

Г.В. Судаков
Вологодский государственный педагогический университет
г. Вологда

Речевые новации XIX века в оценках современников

Отношение общества к речевой ситуации эпохи, к проблемам публичного общения и художественной практики на протяжении XIX века эволюционировало.

Острые дискуссии на рубеже XVIII–XIX вв. и в первой четверти XIX в. были обусловлены процессами подъема национального самосознания, борьбой новой либеральной идеологии с традиционным православным мировоззрением, возросшей значимостью художественной литературы как лаборатории для выработки норм национального выражения. В начале XIX в. было высказано немало смелых идей и столь же энергичных откликов пуристического содержания (дискуссии «шишковистов» и «карамзинистов», выступления «новых архаистов» и т. д.). На 30–50 гг. XIX в. приходится период некоторой стабилизации литературной нормы, закрепления норм и правил, освященных авторитетом крупных писателей.

Пореформенная Россия пережила новый период демократизации речи, увлечения диалектными и профессиональными речениями. Неслучайно лексикографические опыты того времени — это не нормативные словари и справочники, а сокровищницы нелитературных языковых средств. В художественных текстах, в активно развивающейся публицистике идет освоение нового материала, извлекаемого из живой речи простолюдинов: крестьян и городских ремесленников. Меняются

типы и формы оценки новых речевых феноменов.

Вначале мы охарактеризуем робкие попытки оценивать слова, поразившие воображение отдельных индивидов в конце XVIII века.

Охарактеризуем наших информантов, живших в конце восемнадцатого века: 1) Роман Максимович Цебриков — выпускник Лейпцигского ун-та, писатель, переводчик, служащий Коллегии иностранных дел; 2) Павел Болотов, шестнадцатилетний сын писателя и агронома Андрея Тимофеевича Болотова.

Коснемся вначале такой тонкой вещи, как отсылки, вводящие в текст рассуждения характеристику оцениваемых слов, выражений или манеру разговора. См. несколько примеров (подчеркивания и выделение курсивом произведено нами — Г. С.): ..о слове *покровительство*, или как обыкновенно говорят французским словом, *протекция*, ни малейшего я не имел понятия [1785. Цебриков: 85]; Всего забавнее было для меня слышать их разговоры о совершенных ими по чужим краям путешествованиях *per pedes Apostolorum* — то есть *стопами апостольскими*, или *просто сказать, на своих на двух* [1785. Цебриков: 122]; другие *сорвали (по их выражению) по два чина в сию компанию* [1788. Цебриков: 184]; Ввечеру мы кой о чем разговаривали и играли в новые дураки, *потайные называемые* [Болотов: 236].

Авторы обязательно указывают на степень распространенности оцениваемого элемента или на сферу употребления и стилистические различия, а иногда — на источник появления новации.

Новые слова достаточно подробно толкуются авторами, заметившими речевую новацию. Вот как это делает Павел Болотов по поводу слова *редут* в значении ‘светский вечер, разновидность бала’: Одевшись совсем, поехали мы в *редут* в 7 часу. *Редут* был весьма многолюдной... проводили *редут* весело [Болотов: 204]; И все сие походило на маленькой *редут* или *просто бал* [Болотов: 216]; Довольно, что полской набирался по 8 пар и мы танцевали весьма много и порядочно, и все сие составляло точной *редут* [Болотов: 216].

В девятнадцатом веке рефлексия по поводу речевого новаторства современников выражается уже чаще и более пространно. Примером такого рода являются рефлексивы М.Н. Загоскина — писателя, председателя Общества любителей русской словесности при Московском университете (см. подробно: Судаков: 2004). Вот пример из «Неравного брака» (1817): «Мода и обычай изгнали из языка нашего много таких слов, которые в некоторых случаях бывают необходимы; например, слово *колымага* могло бы дать совершенное понятие о дорожном экипаже Славлюбского; но кто не побоялся бы на моем месте, употребляя оное, подвергнуться колким насмешкам модных рецензентов,

которые назвали бы сие коренное русское слово низким, площадным» [Загоскин: 20–21]. Нелюбимым иноязычным заимствованием вместе с соответствующей реалией было для Загоскина слово *пальто*, вот несколько цитат из его произведений: ... в пальто, похожем на широкую юбку с рукавами; ... накинул на себя какой-то шушун, который французы называют пальто; ... ты можешь быть в сюртуке, даже в модном пальто-сак, то есть почти в халате; безобразное пальто — мешок, который волочится по земле, ... шутовской балахон — пальто; долговзый мусью в суконном балахоне... — то есть в пальто [Загоскин: 73, 169, 181, 386, 242]. Близкое по отрицательной оценке толкование слова дается В. Далем: 'весьма неудобное для нас название верхнего платья, мужского и женского, вроде широкого сюртука' [Даль: III].

Обратимся к более пространным рассуждениям М.Н. Загоскина по поводу иноязычных заимствований. Вот пример из очерка «Несколько слов о наших провинциалах» (сборник очерков «Москва и москвичи», «Выход третий»): «... иностранные слова с русским окончанием можно употреблять только в таком случае, когда в нашем языке не найдется равносильного слова, которое выражало бы ту же самую мысль. ... И мы также должны усваивать нашему языку только те слова, без которых решительно не можем обойтись. К чему, например, вы называете гостиную — *салон*; говорите вместо всеобщего — *универсальный*, вместо преувеличения — *экзажерация*, вместо понятия — *концепция*, вместо обеспечения — *гарантия*, вместо раздражения — *ирритация*, вместо посвящения — *инисиация*, вместо принадлежности — *атрибут*, вместо отвлеченный — *абстрактный*, вместо поразительно — *фраппантно*... благодаря успехам просвещения и развитию нашей словесности все эти чужеземные слова, за исключением немногих, исчезли из русского языка; нынче никто не скажет, что он ходил стрелять из *фузеи* или что мы под Малым Ярославцем одержали над французами знаменитую *викторию*. Кто нынче будет уверять кого-нибудь в своем *респекте* и *венерации*? Кому придет в голову *эстимовать* отличный *мерит* своего друга, хвастаться своим *рангом* или сделать *презент* своей *аманте*? Кто в наше время назовет заставу — *барьером*, штык — *бойонетом* и предвещанье — *прогностиком*?.. Мой ученый барин разгневался и назвал меня *ограниченным пуристом*. Вероятно, он занял это вежливое выражение из того же самого журнала, из которого почерпал всю свою премудрость» [Загоскин: 286]. Из этого рассуждения следуют три вывода: 1) иноязычное слово необходимо при отсутствии русского соответствия; 2) развитие просвещения и отечественной словесности само по себе обеспечит отбор иноязычных заимствований; 3) излишнему притоку заимствований уже в то время способствовала публицистика.

Объемом и глубиной характеристик актуальных речевых средств отличаются рефлексивы Н.В. Гоголя (см. об этом: Виноградов 1926, 1936; Судаков, 2010). У Гоголя мы находим различные типы оценочных высказываний: факты оценки речевого поведения и речевых тактик персонажей; оценки значения или звучания отдельных слов, попытки определения значений с помощью синонимов или описательного комментария, указание на сферу употребления или на закреплённость языкового элемента за диалектом, жаргоном, просторечием; выяснение временных параметров языковой единицы, стилистическая оценка уместности/неуместности употребляемого слова, оценка формальной и семантической структуры слова.

Вот как кузнец Вакула из «Ночи перед Рождеством» размышляет о тактике речевого поведения запорожца в разговоре с царицей и одновременно квалифицирует избранную им манеру разговора и языковые средства как «грубое мужицкое наречие»: *..и кузнец удивился, слыша, как этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, не даром он это делает»* [Гоголь, 1: 130]. Понятно, что устами малограмотного Вакулы оценку социально-речевого стиля дает образованный автор повести Н.В. Гоголь.

Иногда автор для убедительности подчеркивает общеизвестность и общеупотребительность известных оценок в определенной среде: «Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то *он был то, что называют вечный титулярный советник*, над которым, как известно, натрунились и наустрились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться» [«Шинель»; Гоголь, 3: 114]. См. характеристику главного героя в «Ревизоре»: «... несколько приглуповат и, *как говорят, без царя в голове*, — один из тех людей, которых в канцелярии называют *пустейшими*» [Гоголь, 4: 8], ср. в одном из приложений к «Ревизору»: «Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и *пустой, как называют ...*» [Гоголь, 4: 331]. Используя расхожие выражения, автор стремится подчеркнуть типичность такой личности, её заурядность.

Ссылки типа *называются, что называют, как говорят, как говорится, что обыкновенно говорится, примерно сказать, как их называют в русских трактирах, как выражаются в иных местах обширного русского государства, по русскому выражению, как говорят в провинции* и др. нужны писателю для того, чтобы ввести в текст эмоциональное просторечное слово или яркий профессионализм:

«Ну, натурально, бал, или, *что обыкновенно говорится, — вечеринка.* Конечно, будет угощение, *примерно сказать — прохладительное*» [«Владимир 3-й степени», Гоголь, 4: 363]. Особенно много таких примеров в «Мертвых душах»: «... господин был встречен трактирным слугою, или половым, *как их называют в русских трактирах*»; «День, кажется, был заключен ... крепким сном во всю насосную завертку, *как выражаются в иных местах обширного русского государства*»; «одно странное свойство гостя и предприятие, или, *как говорят в провинции, пассаж, о котором читатель скоро узнает...*»; «... приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, *как говорится, очень приятно время*»; «Они *называются* разбитными малыми... Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе “ты”»; «... он стал наконец отпрашиваться домой, но таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, *по русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут*»; «... весьма естественно, что он получил на это *то, что называется в простонародии шиш*» [Гоголь, 5: 7, 11, 17, 65, 71, 111].

Позже такой прием введения в текст и одновременно комментирования расхожих выражений используют другие авторы, ср. примеры из «Заметок петербургского зеваки» Зотова (1844): «... бегают эти жалкие существа целый день по дворам и подворотням в обуви, которая, *по русскому выражению, просит каши*» [Заметки: 36]; «Реже раздается стук экипажей, редуют толпы, *как говорится, хорошей публики*» [Заметки: 37].

Н.В. Гоголь обратил внимание на особое остроумие русского народа при обозначении того веселого состояния, которое приобретает выпивший человек: «... он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний *был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его, “осадили сивухой, одноглазый черт”*» [Гоголь, 3: 120]; «*“Пьян как сапожник” — говорит пословица*» [Гоголь, 5: 127]; «... приходили даже подчас в присутствии, *как говорится, нализавшись...*» [Гоголь, 5: 215].

В продолжение той же темы приведем наблюдения В.И. Даля: «...хороший барин, спасибо, вот как и ваша милость: все, бывало, на чай дает». Заметьте: *на чай*, а не на водку: у Ивана земляк полотер, человек довольно тонкого обращения, и у него-то Иван выучился объясняться несколько вежливее [Даль. Петербургский дворник; Заметки: 59]. Ср.: «Действительно, в наше время всякий, не пьющий водки, не просит уже, как бывало прежде, на сбитень, или на калач, или на пряник, а непременно на чаек» [Ефёбовский. Петербургские разносчики; Заметки: 89]; «он, по привычке своей, подкрепился раз, а там и другой

и третий — да так крепко, что слег вовсе. У нас принимают вообще три степени этого отвлеченного состояния: *с воздержанием, с расстановкою и с расположением*; при первой степени одержимый может ещё пройти подле стенки, придерживаясь за неё; при второй, с расстановкою, может идти, если двое поведут его под руки, а третий будет расставлять ноги; при последней же степени, с расположением, одержимый располагается, где случится, где припадок захватит его врасплох, и, растянувшись во весь рост, лежит бесчувственно, так, что никакие силы не могут более воздвигнуть его на ноги. [Даль. Денщик; Заметки: 63].

Гоголь один из первых в русской литературе устами героев часто и подробно оценивает речевые стили, этикет общения. Так, Осип в комедии «Ревизор» свои наблюдения за «жизнью в Питере» формулирует так: «Разговаривают все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Шукин — купцы тебе кричат: “Почтенный!” ... Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит “вы”» [Гоголь, 4: 24–25]. См. ещё пример из пьесы «Лакейская»: «Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильного, где виден кипиток, *кипятот, что называют*. А вот, вот, посмотрим это. (*Читает.*) «Жестокий тиран души моей!? А, это что-то хорошее, однако ж. «Тронься сердечной моей участью!? *И преблагородно! ей-богу, преблагородно! Ведь вот видно воспитанье!* Уж по началу видно, кто как себя поведет. *Вот как нужно писать! Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен.*» [Гоголь, 4: 214].

По наблюдениям Гоголя, «галантерейный стиль», в котором причудливо сочетались канцеляризмы, галлицизмы, перифразы с элементами церковно-книжного языка, был свойствен провинциальным помещикам и слугам в столичных домах, см., например: «... не будет ли это *предприятие, или, чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция...*» [Гоголь, 5: 33]. Слуги подражают господам в «галантерейном обхождении» воспроизводя чиновничий лексикон: «их *должность, или, так выразиться, дирекция* состоит в том, чтобы отпустить овёс или укорить в чём, если провинился форейтор или кучер» [«Лакейская»; Гоголь, 4: 203]. Герои «Ревизора» знают комплиментарный слог: «Вы это *так изволите говорить, для комплимента*» — заявляет Хлестакову Анна Андреевна в «Ревизоре» [Гоголь, 4: 43–44].

В «Театральном разъезде после представления новой комедии» зрители начинают обсуждать язык героев пьесы: *Л и т е р а т о р . ... Ну что за разговорный язык? Кто говорит эдак в высшем обществе? Ну скажите сами, ну говорим ли мы с вами эдак? Неизвестно ка-*

кой человек. Это правда; это вы очень тонко заметили. Именно. Я вот сам про это думал: *в разговоре благородства нет. Все лица, кажется, как будто не могут скрыть низкой природы своей* — это правда. [Гоголь, 5: 218–219]. Здесь Н.В. Гоголь фиксирует характерную особенность языка бытовой драмы того времени: неумение авторов провести границу между речью представителей разных социальных групп, бездумное воспроизведение просторечия, несоответствие литературного диалога реальной речевой практике.

Сравним наблюдения авторов XIX в. над социальными особенностями речевого этикета. «Разговорный язык Якова также отличался галантерейностью своею и часто смешил людей. Он поздравлял барина и других офицеров с собственными своими именинами: «Ваше благородие, имею честь поздравить, я именинник»; он говорил из вежливости: «Я изволил вам докладывать, или вы изволили мне доложить» [Даль; Заметки: 69]. А вот наблюдение Гиляровского за тонкостями извозчиьего речевого этикета: «Извозчики... набрасывались на прохожих с предложением услуг,... встречая каждого, судя по одежде, — кого «ваше степенство», кого «ваше здоровье». кого «ваше благородие». а кого «васьсясь» (ваше сиятельство — прим. В.Г.) [Гиляровский, 3: 18].

Уроки речевой тактики, предлагаемые Гоголем русскому помещику при общении с мужиком, основывались на общественной практике того времени: «... *умей пронять его хорошенько словом*; ты же на *меткие слова* мастер. Ругни его при всём народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; ... Держи у себя в запасе *все синонимы молодца для того, кого нужно подстрекнуть*, и *все синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть*, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть баба и дрянь. *Выкопай слово ещё похуже, словом — назови всем, чем только не хочет быть русский человек*» [«Выбранные места из переписки с друзьями»; Гоголь, 4: 278,]. Это правило соблюдает, например, «мужская партия» губернского города, ср.: «Многие даже из мужчин... подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками — именами, как известно, очень обидными для мужского пола» [Гоголь, 5: 180]. Заметим, что риторический канон, которому учили в то время, не отвечал изменившимся условиям общения, динамичной ситуации XIX века, поэтому в своих произведениях писатель описывает иные тактики речевого общения, более демократичные, лучше соответствующие менталитету и стилистике эпохи.

Особенно были внимательны к речи современников славянофильски настроенные писатели и общественные деятели. Охарактеризуем

некоторые замечания на этот счет из работ С.Т. Аксакова. Вот оценка иноязычных слов: учительницы, или *мадамы*, как их тогда называли, были необходимее учителей [«Наташа (Очерк помещичьего быта)»; Аксаков, 3: 258]. А это фиксация элементов народной речи: «*Ось с скрипом хряснула...* Подражательная гармония есть; но *хряснула* самое низкое слово»; «*С утеса колесница, сорвавшись, рухнула* — обстоятельство, прибавленное г. переводчиком. *Рухнула*, мне кажется, неприлично сказать о колеснице. *Рухнула башня, стена*— дело другое. Слово сие у нас ещё не облагородствовано употреблением его в высоких родах сочинений; впрочем, это не мешает ему со временем занять в них свое место» [письмо к редактору «Вестника Европы» 1824 г., оценка переводов Расина Лобановым; Аксаков, 3: 314]; *Простоволосая* (стр. 38) значит не глупую, а не повязанную платком женскую голову, что считалось и считается предосудительным; отсюда в переносном смысле составил глагол *простоволоситься*, то есть дать себя поймать без повязки, застать врасплох [Аксаков, 3: 356].

А. Фет в своих воспоминаниях цитирует Тургенева, который сравнивает слова, значимые для европейца и для русского: «На вас не действуют жестокие слова: “Европа, пистолет, цивилизация”; зато действуют другие: “Русь, гашник, ерунда”; у всякого свой вкус» [из письма И. Тургенева А. Фету от 21.12.1869; Фет, 2: 208]. Далее Фет дает свой комментарий к тому же слову: «Следя по порядку за предметами тургеневских упреков, мы останавливаемся на слове *гашник*, быть может, даже непонятном иному читателю. Гашник — та нитяная тесьма или веревка, которую русский крестьянин продергивает в верхний край своего исподнего платья, чтобы удержать последнее на поясе. Тургенев прав, назвавши гашник, как одну из самых закоренелых русских вещей, к каким принадлежат между прочим: правила, дуга, чересседелен и т. д. Немец и француз носит помочи и пуговицы; но откуда возьмет пуговиц русский крестьянин для белья, которое баба немилосердно колотит вальком по камне; тогда как гашник ничего не стоит и все терпит. Честь ему и слава!» [Фет, 2: 210].

Вот ещё специально отмеченные Фетом элементы народной речи: «За какой-либо год до моего отъезда из дому, родился меньшей наш брат Петрушка, которого *девичья прозвала «поскребышком»* [Фет, 3: 76]; «Однажды пред купаньем мы, сняв платье, все трое лежали на берегу, чтобы, *как говорится, очахнуть*» [Фет, 3: 186].

В воспоминаниях Фета фиксируются и оцениваются модные для того времени новые политические выражения и финансово-кредитные термины. Отмечая в речи М. Н. Каткова (1870 г.) фразу: «Политический небосклон совершенно чист и на горизонте не видать ни одной

черной точки», он указывает: «Выражение, заимствованное тогдашними политическими людьми у Наполеона III» [Фет, 2: 218]. См. другой пример: «Московским старожилам, вероятно, памятно время, предшествовавшее перемене денежного счета с ассигнаций на серебро. По недостатку ли денежных знаков или по иной какой-то причине обмен денег дошел до невообразимого хаоса. Все деньги имели *лаж, то есть увеличенную ценность* (выделено нами — Г. С.). Рубль серебром ходил 4 руб. 25 коп. [Фет, 3: 180].

Внимание к профессиональным словам и выражениям, кажется, было приметой времени. См., например, рассказ А. Фета о ловушке для ястребов: «...на огороде устраивалась вышка, на которой по двум отвесным стойкам, связанным вверху перекладной, легко двигалась четвероугольная рамка с привязанною на ней в виде колпака сеткой. Вся эта рамка за верхушку колпака приподымалась к середине перекладки и держалась на настороженном с помощью зубчатой дощечки клинушке. От этой дощечки были пропущены к низу нитки, прикрепленные к тонкому обручу, висящему на воздухе, вокруг поставленной с живыми воробьями клетки. Конечно, при малейшем прикосновении к обручу, зубчатая дощечка (сторожек) соскакивала с клинушка, и мягкая сеть падала, накрывая тронувшего обруч. Такое приспособление снаряда, называвшегося «кутнею», было окончательным, предварительно же верхняя сеть прочно укреплялась, и воробьи под сетью клетки выставлялись на жертву хищных птиц.»

«Пока ястреб находился в пеленках, на ноги ему надевались самые легкие и в то же время прочные опутенки (путы) из конского волоса...» [Фет, 3: 70]; «Такой перезимовавший (в неволе — Г. С.) ястреб ценился более вновь пойманного или купленного и назывался «мытчим», т. е. перелинявшим. Иногда ястреб бывал двух и трех мытов» [Фет, 3: 71].

Фет прекрасно знал и фразеословарь военных: «Хотя кирасирская форма состояла преимущественно из белого суконного полуфрака (*колета*), но по маркости такого костюма на ежедневных учениях надевались черные куртки, заменяемые у офицеров черными фраками (*обер-роками*)» [Фет, 3: 300]; «... для исправления и поделки лож в полку находились нестроевые рабочие, носившие специальное название *ложных мастеров*» [Фет, 3: 440].

Язык петербургских мошенников одним из первых описал В. Даль: «Григорий был не только коротко знаком со всеми плутнями петербургских мошенников, но понимал отчасти язык их, и молодой сосед его, Иван, брал у бывалого приятеля своего иногда уроки в этом полезном знании. “Стырить камлюх”, то есть украсть шапку; “переты-

рить жулику коньки и грабли”, то есть передать помощнику-мальчишке сапоги и перчатки; “добыть бирку”, то есть паспорт; “увести скамейку”, то есть лошадь, — все это понимал Григорий без перевода... небольшая шайка проходила в это время, как видно было, от разъезда театра и, увидев товарища, поставленного для наблюдения за *ширман*ами (то есть за карманами) пешеходов, встретила его вопросом: *что клею?* то есть: много ли промыслил? А Григорий отвечал преспокойно: *бабки, веснухи да лепень*, то есть деньги, часы да платок;... стоит только сказать “стрема”, то есть: берегись! — и всякий мазурик сейчас же кругом оглянется» [Даль. Петербургский дворник; Заметки: 57].

Известно внимание В.А. Гиляровского к речевым оригинальностям криминального мира. Им зафиксирован ряд названий, относящихся к понятию «человек без определенного места жительства и без постоянной работы»: «И я, действительно, стал зимогором. Так в Ярославле и вообще в верхневолжских городах зовут тех, кого в Москве именуют хитровцами, в Самаре — горчичниками, в Саратове — галаховцами, а в Харькове — раклами, а всюду — “золотая рота”» [Гиляровский, 1: 221]; «Что такое зимогоры? — Самое слово показывает: зимой горюют. И действительно, летом работы для нас вдоволь, а зимой или на белильный завод идти себя отравлять, или сидеть в трактире впроголодь» [Гиляровский, 2: 319].

Писатель объяснил происхождение народного названия трактира: «Иван Елкин! Так звали в те времена народный клуб, убежище холодных и голодных — кабак. В деревнях никогда не вешали глупых вывесок с казенно-канцелярским названием “питейный дом”, а просто ставили елку над крыльцом» [Гиляровский, 1: 227]. В среде картежников, по его мнению, появилось слово *объегорить*: «Егор Быстров, игрок-профессионал, кого угодно умел обыграть и надуть: с него и пошёл глагол “объегорить”» [Гиляровский, 3: 373]. Заметил бытописатель особенности речи волжских речников: о пароходах на Волге никто никогда не говорил: «плывет», «едет», «идет», а всегда — «бежит» [Гиляровский, 3: 522]. Соответственно о почтовых пароходах говорили: Почта пришла... Почта отходит в семь утра [Гиляровский, 3: 523].

В интеллигентской среде возникли выражения, впервые отмеченные именно Гиляровским: «Легче других выбивались на дорогу, как тогда говорили, “люди в крахмальных воротничках”» [Гиляровский, 3: 150]. «... явился новый термин: “общественный деятель”. Это было очень почтенно и модно и даже иногда заменяло всё» [Гиляровский, 1: 240]. Последнее замечание относится к 1899 г. и может быть признано

датой вхождения фразеологизма в русскую речь.

Наши классики в ситуации непринужденного общения, даже письменного (дружеское письмо), выражались ярко и выразительно. Кто бы мог подумать, что современное молодежное *круто* Л.Н. Толстой использовал ещё 1.02.1879 в письме А. Фету: «Стихотворение последнее мне не так понравилось, как предшествующее и по форме (не так *круто*, как то), и по содержанию, с которым я не согласен» [Фет, 2: 350].

Рефлексия индивида по поводу поразившей его особенности в речи современников так же естественна, как обычна реакция живого существа на изменения окружающей среды. Без речевой среды существование человека ущербно, речь — главное, что выделяет человека в мире живой природы. Речь тогда является эффективным средством общения, когда в ней превалирует информационность, содержательность, а языковое оформление усиливает восприятие, но не затрудняет его, не отвлекает внимание воспринимающего. Если же отвлекает, то индивид, переживая психологический дискомфорт, невольно объясняет себе и окружающим, чем поразил его речевой феномен. Рефлексивы — это психолингвистические феномены. Частота их появления в речи русских в XIX веке объясняется и темпами изменения в языке, и новым, осознанным, национальным по существу отношением общества к речевым новациям эпохи.

Литература

- Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986.
- Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1926.
- Виноградов В.В. Язык Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. 2. М.; Л., 1936. С. 286–376.
- Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т. М., 1961.
- Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1984–1986.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1958. — Даль
- Загоскин М.Н. Избранное. М., 1988.
- Заметки петербургского зеваки: Очерки. СПб., 2007.
- Козлов С.А. От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записки Р.М. Цебрикова. 1785–1788. СПб., 2009. — Цебриков
- Козлов С.А. Русская провинция Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. — Болотов
- Судаков Г.В. М.Н. Загоскин о речевых вкусах современников // Русская речь. 2004. № 1. С. 91–100.
- Судаков Г.В. Н.В. Гоголь об искусстве речевого общения // Русский язык в школе. 2010. № 1. С. 53–58.
- Фет А. Воспоминания. Т. 1–3. 1992 (репринт издания 1893 г.).